

На следующее утро погода стояла ясная, небо чистое, лёгкий ветерок ласкал листву.

Как раз в тот день, когда старший внук деревенского старосты, Сюй Циншуй, по обычаю должен был везти овощи в уезд, он и его супруг поднялись ещё до рассвета — начали собираться в дорогу.

У семьи Сюй было несколько десятков му земли в деревне Селю. Большая часть засажена злаками, меньшая — овощами. Даже так собственного урожая им хватало с лихвой. Так и образовалось у них постоянное дело — доставлять свежие овощи в уезд. Они заключили соглашение с несколькими трактирами и ресторанами и теперь регулярно развозили им товар.

Когда большие корзины с овощами были погружены на телегу, в утреннем предрассветном сумраке показались две фигуры. Первым их узнал супруг Сюй Циншуя — Ян Хунэр. Увидев, что один из них уверенно приближается к их повозке, он сразу подумал — наверняка тоже хочет поехать в город.

— А разве это не Цай-гер? Куда же он так рано собрался?

Хоть Ян Хунэр и Вэнь Ецай жили в одной деревне, они разве что знали друг друга в лицо. Ян Хунэр не был любителем сплетен, но и особой дружбы с ним не водил — проще говоря, не общались. Но в прошлый раз, когда старейшина семьи вернулся домой, он всё расхваливал, мол, Вэнь Ецай привёл в дом мужа — врача, а это большое дело. Как только стало известно, что в деревне появился свой врач, все искренне обрадовались. Ведь даже если ты из семьи старосты, это не отменяет важности доктора. Врач в деревне — всегда первое лицо.

Вот тогда Ян Хунэр и подумал, что надо бы вести себя с ними почтительнее, ведь мало ли когда придётся обращаться за помощью.

Поздоровавшись, он перевёл взгляд — сперва заметил бамбуковый шест, которым кто-то водил по пыли, потом поднял глаза — и увидел лицо. Лицо вроде бы незнакомое, но в то же время — сразу стало ясно, кто перед ним.

Как раз в этот момент и Сюй Циншуй, заметив их, с удивлением спросил:

— Юй-ланчжун, вы тоже в горы собрались?

Но увидев, как тот опирается на бамбуковый шест, тут же заметил про себя: глаза, похоже, всё ещё не оправились.

Вэнь Ецай с корзиной за спиной, вовсе не скрывал хорошего настроения.

— Брат Циншуй, брат Хунэр, — радостно заговорил он, — мы с Шанчжи хотим вместе спуститься в город, но у него зрение еще не восстановилось, ему трудно идти. Я подумал:

можно ли ему одному сесть к вам на повозку? Я сам пройду пешком, ничего страшного.

Сюй Циншуй был старшим внуком Сюй Байфу — главы деревни. Все считали, что со временем он унаследует пост старосты. С детства его воспитывали под надзором и деда, и отца — честный, добрый, безупречный в характере человек. Позже он женился на Ян Хунэре, и супруги вместе вели себя с людьми приветливо и справедливо.

Когда они ездили в город с овощами, то всегда разрешали односельчанам ехать вместе — не бесплатно, конечно: пять монет туда-обратно за человека. Раньше Вэнь Ецай уже несколько раз брал с собой своего младшего брата — Санъя, когда вез его в город к врачу. Парнишке тяжело было идти далеко, и брат платил, чтобы посадить его на повозку.

Сюй Циншуй с супругом обменялись взглядами: овощей в этот раз они везли немного, повозка крепкая, места достаточно. Бывало, когда ехали на ярмарку всей семьёй, загружали телегу и овощами, и зерном, и ещё четыре-пять человек садились — и всё выдерживала. Сегодня даже если обоих молодых посадить — повозка всё выдержит, это точно.

— Что тут трудного? — с готовностью откликнулся Ян Хунэр. — Вот мы чуть-чуть доделаем — и пусть Юй-ланчжун поднимается, да и ты, Цай-гер, тоже залезай. А то тащиться сзади за телегой — только зря устанешь.

Услышав столь радушное приглашение, Вэнь Ецай и Юй Шанчжи сняли свои корзины, поставили рядом и присели подождать.

Ранним утром туман ещё не рассеялся — полупрозрачный, вьющийся, будто занавесь. Сквозь пелену дымки Вэнь Ецай увидел, что и другие деревенские собрались в путь — правда, все отправлялись пешком, кто куда.

Прошло немного времени, как из-за дороги раздался резкий, тонкий голос — уж слишком характерный, трудно не узнать. Вэнь Ецай поморщился и сразу бросил недовольный взгляд в ту сторону. Как и ожидалось — на дороге показался Ван Сяюй, тот самый, с которым у него вечно шли конфликты. Он шагал в компании ещё нескольких человек.

— С самого утра наткнуться на ЭТОГО... к беде. — недовольно пробурчал Вэнь Ецай, не повышая голоса, обращаясь к Юй Шанчжи. — Настроение сразу испортилось.

Он и не собирался ни с кем ругаться, но...

Как назло — стоило ему захотеть избежать встречи, как этот Ван Сяюй, как назло, целенаправленно повернул прямо к ним. А те, кто шёл с ним рядом, все как один знали, что между Ван Сяюем и Вэнь Ецаем старое противостояние.

Началось всё с их матерей: Чан Цзиньянь, мать Ван Сяюя, и Цяо Мэй, мать Вэнь Ецай, —

были девушками из одной деревни. Чан Цзиньянь на год раньше Цяо Мэй вышла замуж за отца Ван Сяюя, Ван Байчуаня. Их семья владела почти тридцатью му земли — считалась в деревне Селю одним из зажиточных дворов. С тех пор она не раз насмеялась над Цяо Мэй и её мужем, которые поначалу ютились в убогой хибаре.

К тому же она любила хвастаться, мол, здоровье у нее — что надо: за первые три года брака родила семье Ван сразу двух здоровых пацанов. А Цяо Мэй — хиленькая, всё не могла забеременеть, а как наконец получилось — родился "беспольный" гер, а не продолжатель рода.

Но кто бы мог подумать: Вэнь Юнфу оказался человеком деловым и рукастым, и дела его с каждым годом шли всё лучше. Построил новый дом, выкупил жирную землю. Цяо Мэй щеголяла каждый день в новых браслетах и шпильках, одежда на ней — всё из тонкого добротного полотна, и никаких свекрови с деверем над душой — жизнь у неё была завидная.

Пусть ее вторая беременность обернулась рождением девочки, но всё это только сильнее злило Чан Цзиньянь, так что при каждой встрече с Цяо Мэй они буквально начинали сцепляться с места. Позже, когда Цяо Мэй овдовела, а потом и вовсе умерла, Чан Цзиньянь наконец почувствовала себя на коне — но добрее так и не стала. С малолетства настраивала своего младшего сына против Вэнь Ецай, и с тех пор они, стоит только встретиться, — как игла с шилом, вцепляются друг в друга.

С такими задними мотивами, и не особенно торопясь в путь, спутники Ван Сяюя с удовольствием решили постоять в сторонке и понаблюдать за представлением. Тот, как нарочно, не пошёл по широкой дороге, а демонстративно подошёл к самому краю и встал точно перед Вэнь Ецаем, с притворным интересом заглянув в их корзины.

— О, Вэнь Ецай, ты это в город товар везёшь? А где товар-то? Сплошная трава! Весенние овощи нынче в цене-то не больно идут. А твои, гляжу, так вообще подсохли. Не иначе как решил сделать из них сушёные запасы?

В деревне действительно имелся обычай сушить овощи про запас — но это, как правило, делалось лишь бедными дворами, чтобы зимой было что есть. А вот в городе весенние овощи ценятся именно за свежесть — там сушёные никому даром не нужны.

Вэнь Ецай скользнул по нему скучающим взглядом и с безразличием отозвался:

— Ты повнимательней погляди — с чего ты взял, что это сушёные овощи? Сам видишь плохо, так ещё и другим завидуешь? Ты бы лучше на дорогу глядел, а то, гляди, оступишься — да в канаву свалишься, с головы до ног в тухлятину.

Ни остроумия, ни зацепки — Ван Сяюй затеял самую примитивную провокацию. А Юй Шанчжи стоял тут же, рядом — ну какой тут смысл пререкаться? Вэнь Ецай был занят тем, чтобы просто любоваться своим мужем. Потому и ограничился несколькими колкими словами.

Ван Сяоюй свел намеренно подведённые тонкой дугой брови и уже подбирал в голове новые оскорбления — как вдруг взгляд его зацепился за стоящего рядом Юй Шанчжи.

Встретившись с ним глазами, Ван Сяоюй неожиданно вспыхнул — по коже будто огнём пошло. Но уже в следующее мгновение он почувствовал глухую злость. Ну как так! Такую божественную наружность, такую лебединую статью — и всё это досталось этому старому уроду Вэнь Ецаю!?

Чем больше он об этом думал, тем злее становился. Лицо Юй Шанчжи теперь вызывало у него не восхищение, а зависть, да ещё и страх — особенно эти его глаза, глубокие и тусклые, как стоячая вода в бездонном омуте... Слишком уж они были не по себе.

Скривившись, он процедил злобно, в сторону, но громко:

— Ха, урод-то и вправду урод — только слепого себе и нашёл!

У Вэнь Ецай принцип был простой: оскорблять его — можно, по обстоятельствам, но задевать Юй Шанчжи — НИКОГДА!

— Ты что сказал? Повтори, если не боишься! — глаза Вэнь Ецай сверкнули, он закатал рукав и уже собирался вцепиться Ван Сяоюю в волосы.

Но не успел он поднять руку, как кто-то легко остановил его. Тонкие пальцы обхватили его запястье — хватка была точной, уверенной, сдерживающей, но без грубости. Юй Шанчжи без лишних слов притянул его обратно к себе, осторожно массируя тонкое запястье.

Он не смотрел ни на кого прямо, держался сдержанно, как и подобает человеку с его недугом, и этим только усугублял неловкость для окружающих. А сам тем временем вовремя изобразил лёгкое недоумение:

— А-Е... это ведь и есть тот самый гер из семьи Ван, о котором ты мне раньше говорил? — тот, что с ученым из соседней деревни помолвлен? Вроде как ждет, когда тот с экзамена вернётся, чтобы замуж за него выйти...

Ван Сяоюй от неожиданности даже растерялся. Услышав первую половину фразы, он ещё думал, что Вэнь Ецай ни за что не скажет о нем доброго слова — ну, как всегда. А тут — такое!

Он тут же расправил плечи и приосанился. Вот! Даже этот гад не может не признать — он, Ван Сяоюй, себе не абы кого в суженые выбрал! Подумаешь, у него — доктор. А у меня — будущий ученый! Да я сам скоро стану супругом ученого! Если повезёт, если брат Тан Вэнь проявит себя, сдаст экзамен и станет сюцаем или даже цзюйжэнем, тогда уж совсем хорошо будет!

Ван Сяоюй всё ещё пребывал в своих сладких мечтах, как вдруг Юй Шанчжи резко сменил тон:

— Но я слышал, тот учёный уже три года сдаёт экзамены и всё без толку. С четырнадцати лет ты его ждёшь, и вот тебе уже восемнадцать, а он до сих пор не женился. Интересно, что он на самом деле задумал?

Ван Сяюй словно проглотил половинку мухи — и в горле встала, и ни проглотить, ни выплюнуть.

Но Юй Шанчжи не стал жалеть — наоборот, подлил масла в огонь:

— Три года не может сдать даже на туншена... Почему, как думаешь? Неужели просто не хочет сдавать?

Вэнь Ецай в ту же секунду фыркнул от смеха — и это была наилучшая поддержка. Видит небо, за все десять дней знакомства с Юй Шанчжи он впервые слышал от него такие колкие слова. Вот это удар!

Ван Сяюй, конечно, всё понял. Тут же уловил насмешку: мол, Тан Вэнь три года топчется на месте, даже туншена не получил, из-за него сам Ван Сяюй стал перестарком, и в итоге всё равно проиграл Вэнь Ецаю, этому уроду!

Он стоял, упёршись в бока, тяжело дышал, и, наконец, с трудом выдавил:

— Безграмотные деревенщины, что вы понимаете! Думаете, экзамен — это шутка? Да вы бы и в восемьдесят лет до туншена не доросли! Брат Тан Вэнь меня ценит! А я не хочу тормозить его будущее, потому обе семьи и решили — пусть сперва сдаст экзамен, потом уже жениться. В будущем брат Тан Вэнь станет сюцаем — ему не к спеху! Не то что вам — копать в земле всю оставшуюся жизнь!

Вэнь Ецай выслушал это, тут же изогнул губы в насмешке и нарочито громко воскликнул:

— Ого, вы только послушайте, что говорит наш Юй-гер! Тан Вэнь даже на туншена ещё не сдал, а его будущий сюцай-фулан уже заранее презирает нас, тех, кто землёй кормится!

Ван Сяюй с тех пор как обручился с Тан Вэнем, голову носил выше всех, а сейчас и вовсе заговорил с наглой спесью. Но он ведь не подумал: не только в их деревне, но и у любого городского чиновника, если двух предков вверх копнуть, всё равно окажутся крестьяне!

Так что когда Вэнь Ецай нарочно крикнул это на всю округу, стоявшие сзади люди услышали каждое слово. Кто бы теперь рискнул вступить за Ван Сяюя? Откроешь рот — выходит, сам себя оскорбил.

Потому все, кто шёл рядом, либо подняли глаза к небу, либо опустили к земле — и дружно выбрали молчание.

Ван Сяоюй окончательно опозорился, раздражённо фыркнул и, не придумав ничего умнее, попытался подленько пнуть стоявшие на земле корзины Вэнь Ецая и Юй Шанчжи.

Но едва он замахнулся — как будто что-то свело икроножную мышцу: нога подкосилась, и он с грохотом шлёпнулся на землю.

Первая мысль: не иначе как чёрт попутал!

Вторая: Вэнь Ецай его толкнул!

— Ты меня пихнул! — заорал он.

Вэнь Ецай только усмехнулся, глядя на лежащего на земле Ван Сяоюя, и сказал:

— Я вот тут стою — даже пальцем не шевельнул. Это ты сам хотел исподтишка пнуть наши корзины, ногу не удержал — упал. Теперь ещё и на меня сваливаешь?

— А кто же ещё?! Мне больно, я в город к лекарю поеду! Ты обязан оплатить мне приём!

Ван Сяоюй вцепился в землю намертво, давая понять, что без «компенсации» с места никуда не уйдёт.

Но Вэнь Ецай даже смотреть на него не стал. Его взгляд лениво скользнул по бамбуковой палке Юй Шанчжи, как бы невзначай.

У него зрение отличное — когда охотится, и с большого расстояния замечает мелькнувшего в траве зверя. Потому он ясно видел: только что палка в руке Юй Шанчжи едва заметно качнулась — и скользнула по ноге Ван Сяоюя.

Он снова взглянул на самого Юй Шанчжи — а тот всё так же стоял с невозмутимым лицом, выглядя культурно и спокойно, будто ничего и не случилось.

— Юй-гер, — продолжил Вэнь Ецай, голос по-прежнему спокоен, — поступать как человек — значит уметь признавать границы. Ты сначала словом задел, потом хотел повредить чужое добро, теперь ещё и пытаешься свалить на нас вину за свою неуклюжесть. Так давай-ка спросим у всех здесь присутствующих: кто что видел? Пусть скажут — на чьей стороне правда.

Однако Ван Сяоюй не торопился терять самообладание — он был уверен, что те, кто шёл с ним одной дорогой, даже если и не заступятся за него, уж точно не встанут на сторону Вэнь Ецая.

И действительно, те несколько человек сохраняли прежнее молчание, будто воды в рот

набрали.

Но, увлѣкшись ссорой, Ван Сяюй напрочь позабыл: поблизости есть и другие свидетели, и, как назло, живые и разговорчивые.

В этот самый момент раздался голос Ян Хунэра — он подошёл и спокойно сказал:

— Юй-ланчжун, Цай-гер, мы расчистили место в повозке. Сегодня туман, боюсь, дорога будет небыстрая. Предлагаю не мешкать и трогаться в путь.

<http://bllate.org/book/13600/1205935>